

Глава 7. Разведчики.

Не такие уж невежды были мы с Бурым. Когда начали делиться друг с другом своими знаниями разных волшебных приёмчиков, оказалось, что у нас немало сведений о волшебстве. Не мудреном, конечно, а самом простом. Кое-что мы угадали по картинкам в книжках, а кое о чём поведал нам Лепетайло. Дядя колдовству нас не учил - это было не в его интересах.

- Надо запугать его, - сразу предложил Бурый. Говорил он, как всегда, угрюмо, набычив толстую, покрытую шерстью шею. - Если мы его напугаем, обеспечим себе половину успеха.

- Успеха? - Нервно переспросил я. - Ты о чём?

- Но ведь ты желаешь найти и вернуть Живульку, - напомнил он. - А дядя спрятал её. Возможно, она умирает сейчас, связанная, в той пещере, замурованная. Бедняжка! Никогда не видел я, чтобы Бар открывался. Ключом или словом заповедным.

Когда я представил себе мучения старшей сестры, которая, впрочем, сестрой мне и не была, хотя продолжал относиться к ней именно как к сестре, мне стало не по себе. Я сразу же подумал о том, что дядя и её мог положить между тяжелых страниц какой-нибудь книги и засушивать там, распрямляя под прессом. Не давая девочке ни пить, ни есть.

И что она только ему сделала плохого, если он приговорил её к такому суровому и жестокому наказанию?

А может быть, догадка Бурого и верна, и дядя сунул Живульку в каменный склеп, и ей там сейчас не хватает воздуха, не то что питья и еды?

Надо было торопиться спасти сестру. Но именно при мысли, что надо делать что-то как можно быстрее, я и терял то рассудок, то самообладание.

Хорошо, что Бурый был крепче, чем я. Он рассуждал спокойнее:

- Давай напугаем дядю тем, что скажем ему: Холодайка погибла.

- А поверит?

- А мы объясним, как это было. Я слышал, что жабу можно поразить страшным вихрем, который она сама и поднимает. Жабы - колдуньи вызывают ураганный ветер своим кваканьем. Всё зло от жаб!

- Нет, - возразил я. - Холодайка вошла в нашу страну, окруженная не вихрем, а молнией. Не поверит мне дядя.

- Молнией? Быть этого не может! - Горячо зашептал Бурый. - Ты не представляешь себе даже, насколько ведьмы и ведьмаки боятся молний! То была не молния.

- А ты откуда знаешь? - Засомневался я.

- Разве не замечал сам, как теряется дядя, когда слышит звуки грома за скалами? Ах, да ты не ведаешь о том, что такое гром! - Спыхватился мой товарищ. - Ты никогда не был на Улице! Не дышал чистым воздухом после грозы. Не слышал той тишины, в которую впадает изможденный молниями и порывами ветра мир. Но да я как-нибудь расскажу тебе о нём. Вот что! - Маленькие чёрные глазки моего мишки сердито блеснули. - Больше не буду молчать о том, что было РАНЬШЕ! - Он словно угрожал моему дяде своим

возвысившимся голосом. - Всё расскажу, что знаю! Но не сейчас. Сейчас мы должны спасти девочку.

- Да, да! - Нетерпеливо откликнулся я. - А почему ты решил, что дядя тоже боится молнии?

- Он начинает метаться по стране и прятаться то в Вазу, то под Стол. А однажды я видел на Кухне, куда проник совершенно случайно, как дядя прыгал из кастрюльки в кастрюльку. Они там большие, как котлы у Бабы Яги из одной сказки, картинки которой показывал мне ленивый Лепетайло. Всё норовил тяжелую крышку на себя натянуть. Думал, что под крышкой молния его не достанет. А по-моему наоборот. Молнию металл притягивает.

- Ну у тебя и голова! - Искренне восхитился я. - Скажи мне честно: где ты нахватался этих знаний!

- Некогда я принадлежал твоей маме, - со вздохом произнёс Бурый. - Я знал её ещё девочкой. Она всегда держала меня на коленях, когда учила свои уроки.

- Врёшь! - Я не поверил. Заливает, как и карлики. Моя мама не могла быть великаншей, потому что и сам я не был великаном. Или они хотят мне намекнуть на то, что гора однажды родила мышь? То есть моя мама - меня, лилипута? Тут есть о чём подумать. А так как я был фантазером, я тут же и представил себе, как однажды моя мама объелась и выросла, став размерами со Шкаф. Потом родился я. Нам было тесно в одной стране, и мама благородно оставила Давию мне, а сама отправилась путешествовать. Потому что не хотела меня случайно затоптать.

Я воспарил мыслями, и Бурый потерял меня за косточку на руке, призывая вернуться на землю.

- Твоей маме страшно повезло, - сказал он по своей привычке угрюмо, - что она училась не у Понуры. Благодаря её учебникам и я кое-что узнал. В том числе и о молниях.

- Но почему дядя боится именно молнию? - Спросил я.

- Потому что её посылает в мир добрый Волшебник Чистого Света, - сказал он.

- Волшебник? - Я оживленно дёрнулся всеми костями, так что они задребезжали. - Ты тоже веришь в Волшебника? Того, что живёт под чужим небом? В того самого Волшебника, в которого я увидел в дырочку на скале из материи?

Бурый энергично закивал.

- Думаю, что он и дядя давно враждуют. - Высказал мой товарищ своё предположение. - А вот почему, понятия не имею. Узнать бы и помочь Волшебнику.

Честно признаюсь, я обрадовался. У меня словно камень с плеч упал, когда я услышал, что и Бурый верит в существование Волшебника. Конечно, может быть, и он его только выдумал. Потому что у него была добрая пищалка вместо сердца. Пищалка с добрым голосом. Потому что только существо доброе может заниматься такими измышлениями, как мы с другом. Но когда в одно и то же веришь вдвоём, вдвоём надеешься на что-то, гораздо больше

вероятности, что случится то, во что веришь. Потому что вера - тоже магнит. Одного меня Волшебник мог обойти вниманием, а двоих - вряд ли.

Мы ещё подумали - подумали с Бурым и составили -таки один план.

В тот же час я без спросу с криками ворвался в Кабинет дяди. Как мы и договорились с другом.

Дяде должно было казаться, что я пребываю в самой что ни на есть настоящей панике! Вот я и орал на всю страну:

- Ужас! Кошмар! Настоящее бедствие!

Дядя даже оторопел от моего крика, зажал уши и с капризным видом поглядел в мою сторону.

- Ах, столько воплей! Мёртвого можно разбудить! Что случилось, мой дорогой племянник?

- Мёртвые проснулись! - Ещё больше зашумел я. Я уже и череп запрокидывал и костями ног гремел - лишь бы изобразить, что я себя не помню от страха.

Я создал так много шума, но дядя даже растерялся и забыл выставить меня с той половины своего Кабинета, на которую он обычно никого из нас не водил, а я только что пробрался. И вот что мне удалось увидеть! В небольшом закутке, вокруг которого с трёх сторон возвышались горками книги, за спиной дяди, стоял высокий и широкий сосуд, вроде химической колбы. И в нём что-то очень ясно и ослепительно сияло. Как будто тело, вытянутое во весь рост, и чьи-то тонкие золотые руки в истоме опирались о стеклянные стенки. Дядя словно только что перед моим приходом занимался какими-то опытами. Но неужели он экспериментировал над человеческими телами? А впрочем, обычные люди так не сияют! Так может быть, в колбе таилась ещё одна дядина пленница? Или же он создавал искусственного человека, послушного ему гораздо более чем мы с Живулькой и Бурым?

Все эти догадки молнией промелькнули в моем черепе, оставляя после себя горячий болезненный след. Этакое страшные предположения, разумеется, обожгли меня.

И было время, когда я боготворил этого человека? Неужели то был я? Теперь я начинал думать, что карлики совершенно не случайно назвали дядю гадом и мракобесом...

Дядя поморщился оттого, что заметил мою реакцию на то, что было за его спиной. Он поморщился, но сердиться почему-то не стал. Будто бы он уже успокоился на мой счет, а я не представлял для него никакой угрозы. Не потому ли, что я пообещал ему жениться на Груше? Он лишь попросил:

- Ты не мог бы вести себя потише? - Он задёрнул занавеску, скрывшую от меня его тайную лабораторию, но был ещё пока настолько сбит с толку произведенным мною шумом, что даже не вытеснял меня из Кабинета. Он заложил руки за спину и неспешно подошёл ко мне. - Где ты только что увидел нечто, столь тебя поразившее? - Сухо спросил он. - О каких мертвецах ты говоришь?

- Там, там, - уже несколько тише завопил я, показывая руками в сторону Серванта и Бара, из которого и доносились недавно стоны.

Дядя нахмурился. И мне показалось потому, что ему было известно то место. Явно кто-то страдал по его вине внутри запертого Бара. Но сейчас всё в голове моей смешалось: сверкание блестящего в колбе, стоны, наши с Бурым фантазии на предмет влияния на колдунов молний... И я стал невольно думать о том, что Живулька могла быть заперта и погибала не в баре, а в этой колбе! Что дядя превращал её во что-то, может быть, её золотую душу перегонял в чистое золото!

- Кого ты видел? - Жестко спросил он, сверля меня острыми глазками.

- Я сидел в своей постели, - соврал я невинно. - И вдруг передо мной возник мертвец! - Я с шумом хлопнул себя по черепу, чтобы показать, как поразило меня это явление.

- Какой ещё мертвец? - Наконец откровенно занервничал дядя.

- Он ходил над Диваном, не приминая земли... Женский силуэт. Я подумал, что это может быть, ваши мама или Живулька. Знаете, дух умершего мог и не успокоиться, - нагнетал я страсти, - и восстать из могилы!

- Ты не о том думаешь, - поправил меня дядя очень строго. Его глаза недоброжелательно сверкнули. - У тебя свадьба на носу! Ты должен думать о будущих семейных радостях, о молодой невесте!

- Но я не могу! Пока мертвец бродит туда-сюда по нашей долине. Ведь он и на свадебном пиру может появиться! И всех перепугает.

Силы спорить с дядей вернулись ко мне с надеждой вновь вскоре обрести Живульку.

- И что ты сделал? Когда мертвец появился? - Спросил дядя механически. Он ведь знал, что его родители вовсе не приходили вчера ночью за девочкой. Значит, не могли и бродить по Давии. Но он не мог рассказать мне правду о том, что он сам спрятал её куда-то, вот и задавал мне дурацкие вопросы.

- Я, как и положено, схватил свой нож, который обычно ношу на поясе, вы знаете, и полоснул себя по пальцу.

- Зачем? - Вскричал дядя, вытаращив глаза.

- Понура однажды рассказывал нам на уроке, что мертвецы не входят в дом, на пороге которого лежит окровавленный нож, - объяснил я. - Они почему-то устрашаются его вида.

- Так, молодец, - механически продолжал дядя разыгрывать свою комедию. - Мертвец ушёл напуганный - готовься к свадьбе. А мне больше не мешай. У меня дела, - и он отвернулся от меня, собираясь скрыться за занавеской.

Но всё-таки я озадачил дядю. Теперь он знал, что так или иначе мне стало известно об узнике Бара. И теперь он наверняка отправится в эту пещеру, чтобы проверить самолично: что в ней творится. Вот тогда я и подгляжу: как он отпирает засовы Бара, чем.

Мог ли я готовиться к свадьбе с Грушей, как предлагал дядя? Конечно, нет. Я вообще был растерян. Потому что и сам не знал, стоит ли мне становится супругом Груши. Она меня не любила, всё казалось мне; я тоже не был от неё в восторге. Но пока что, готовясь освободить Живульку, я должен

был создавать видимость полного послушания дяде. А он уже скрылся за занавеской, когда вдруг что-то вспомнил и вернулся.

- Дорогой мой будущий сын! - трогательно произнёс он, обняв меня за костлявое плечо. - Мы должны с тобой подумать ещё кое о каких деталях твоего предстоящего торжества.

- Что за детали? - Как можно легкомысленнее спросил я.

- Хотя ты и наследный принц, но я прошу тебя взять фамилию жены.

Дядя смотрел на меня хотя и ласково, но в то же время весьма требовательно.

- Я подумаю. А какая у неё фамилия?

- Такая же, как и имя, Груша. - Дядя как будто был очень чем-то доволен.

- Что, Груша Груша? - Удивился я, а сам мучительно думал о том, зачем дядя хотел, чтобы я носил эту удивительную фамилию "Груша". - Вы правы. По-моему, это звучит премиленько, - заметил я, - Скелетус Груша.

А сам изо всех сил стремился не рассмеяться. Прикидывался покорным, чтобы снять все сомнения дяди.

- Я вынужден требовать от тебя это, потому что у тебя самого вообще нет фамилии, - торопливо объяснял дядя. - Я понял это, только когда начал готовить к свадьбе надлежащие документы. - Ни фамилии, ни национальности, ни денег. Ничего у тебя нет. А впрочем, деньги в Давии не в ходу. А национальность у тебя - китаец. Я просто запомнил. Извини.

- Ну, хорошо! - Небрежно согласился я. - Оформляйте брачный договор. Стану Грушей. Хотя это, по - моему, и не принципиально. Нам и имён вполне хватало всегда. Нас мало.

- Это нужно по династическим соображениям. - Заверил дядя, вежливо кивнул и шаркнул ножкой.

Он внимательно следил за тем, как я покидаю его Кабинет. А я вдруг повернулся и спросил его:

- А где могила ваших родителей? Я бы хотел навестить её. Судя по всему, они тоже были когда-то подданными Давии.

Дядя вдруг опять стал строг и даже беспощаден. Он процедил сквозь зубы:

- Они никогда не были твоими подданными! И не беспокойся! Снова суешься не в свои дела, сморчок! Мои родители! Я об их могилке и позабочусь.

- И он отвернулся от меня, давая мне понять, что разговор окончен, и он возвращается к делам.

Я пулей выскочил из владений дяди и понесся за Гору Тумбочку к Бурому, который меня там поджидал. Взахлёб рассказал ему и о колбе, и о нашем разговоре.

- Нет, дядя не может добывать золото, - протянул мой верный товарищ. - Колдуны золота и серебра бояться. Оно их убивает. Поэтому охотники на ведьм и запасаются золотыми и серебряными пулями. Ты вот думаешь, почему дядя загородил Давию такими мощными скалами со всех сторон?

- Почему?

- Чтобы Волшебник не насылал на него свои золотые и серебряные стрелы. Живём в вечном полумраке...

Я задумался.

- А золото Бога Люстры?

Бурый невесело рассмеялся.

- Так ведь не всё золото, что блестит.

И тут вспомнил я, что дядя, разговаривая со мной только что, держал в руках чёрные очки. Видно, он глаза свои оберегал от того блестящего, что находилось в колбе.

А до ночи я хотел проверить ещё одно наше предположение: что на фотографии изображены не дядины родители. Но для этого следовало отправиться к Двум Деревьям. А я этого сделать не мог - дядин заговор мешал. И я попросил Бурого: "Сходи ты!" Он и отправился.

Поймал метеорит и понёсся на нём. Я снизу видел, как Бурый высадился на площадке перед горшками с Деревьями, и, повернувшись к нам спиной, начал осторожно ковырять в земле задней лапой. Видел ли его из Кабинета дядя, не знаю, но Бурый, конечно, очень рисковал.

Потом он с пустыми лапами вернулся ко мне и сказал, разведя передние:

- Нет, там никаких фотографий. Или Живулька спрятала или дядя забрал себе.

Я ничего не ответил.

Ночью мы с Бурым сделали вид, что заснули, каждый в своей постели. А сами лежали и прислушивались. Наконец, в полночь дядя, сопя в темноте, поднялся, нашарил обувь и натянув плащ, отправился к краю Дивана. Мы с Бурым последовали за ним.

Долго не мог дядя поймать метеорит. А когда поймал его, тот не мог его поднять в воздух. Дядя нёс под своим плащом, под мышкой, что-то очень тяжелое. А что - было непонятно. И тогда он рассердился, плюнул на осторожность, что-то пробормотал, крылья его плаща расправились, и он, тихо жужжа, как шмель, полетел к выступу на горе Сервант, который вёл к Бару.

- Давай расстанемся здесь, - предложил я другу шепотом, хотя и шепотом было говорить опасно. - Я отправлюсь в дядин Кабинет, а ты ступай за ним. Проследи внимательней, подсмотри, как он станет отпирать Бар. Что будет говорить, что делать.

Бурый тоже подловил метеорит, и, поднявшись на нём повыше, стал потихоньку продвигаться за дядей, стараясь быть незамеченным.

А я сам, как и собирался, поспешил в дядин Кабинет. Я был уверен, что дядя не ворвётся сюда внезапно. У меня будет время.

Я сделал несколько шагов и присмотрелся в темноте к вещам. Страшно. Ни свечи, ни фонаря мне в помощь. А там, в стороне, пресс-папье, а под ним...

Я подошёл к нему и нащупал его шишечку, взялся за неё и стал сдвигать с таким неприятным чувством, как будто двигал надгробие над чьей-то могилой.

Потом я раскрыл и ужасную дядину Записную Книжку.

Я думал, что не обнаружу засушенных людей, служивших дяде закладкой. Уж больно осторожен всегда был мой дядя, поэтому я не мог думать о нём плохо на протяжении стольких лет - он не давал мне повода. Но он, видимо, настолько успокоился, когда я дал ему согласие жениться на Груше, что перестал замечать следы своих преступлений. Люди по-прежнему лежали между страниц книги. Я замечал их темные силуэты. Но да не бывает дыма без огня, гласит одна поговорка. Люди... начали светиться.

Должно быть, это было то небольшое, что они могли для меня сделать. А может быть, это дядя посыпал их порошком фосфора, чтобы при их страшном свете читать по ночам свою Записную Книжку. Усовершенствовал мертвецов. Они светились, а я в немом бессильном безмолвии разглядывал их лица.

Они смотрели на меня, и я не мог выдержать этого взгляда. Однако, бегло взглянув в их лица несколько раз, я заметил, что женщина... одноглаза. Трудно было понять: похожа ли на неё Живулька, но сдавалось мне, что родители девочки не путешествовали, а были передо мной. И скорее всего, Живулька первой, гораздо раньше, чем я, пробралась в Кабинет, и обнаружила этих засушенных. С этого, возможно, и начались её подозрения. Может быть, она в тот день прибиралась у дяди, мыла у него...

И должно было случиться чудо, если мама девочки отдала ей свой глаз. А Живулька уж потом, в ожидании дальнейших несчастий, замаскировала его под родинку.

Вероятно, я был прав в своих догадках. Случается, что родители и после смерти приходят к детям, чтобы навестить их. Приходят через силу...

И вдруг руки мертвецов слегка шевельнулись, словно они могли меня видеть так же хорошо, как и я их, и потянулись ко мне.

Я не понял, чего они хотят. Но не отскочил в сторону. Потому что онемел и окаменел от страха. А мертвецы и не хотели сделать мне ничего плохого. Они просто протягивали ко мне руки. А на их сухих пальцах блеснули золотые обручальные кольца. Они будто бы отдавали мне своё золото, чтобы с его помощью я одолел дядю.

Я покорно и довольно легко стянул кольца. Потом положил одно к себе в карман - я носил костюм и под ним рубашку с расстёгнутым воротом, а другое легкомысленно одел себе на палец.

Потом я отложил легеньких мертвецов в сторону, чтобы они продолжали мне светить. А сам осторожно перевернул страницу, дабы взглянуть на другие листики. Я искал дядины тайны. Но ведь я не умел читать! Вот беда! А в дядиной книжке много чего было понаписано!

А что я мог понять в этих крючках и завитушках? Ничего! И запомнить их не мог.

Но зато я обнаружил кое-какие цифры. К счастью, цифры-то я знал. "120. 43. 25". Я не знал, что эти цифры могли означать, но на всякий случай зазубрил их.

Потом я ещё перевернул несколько страниц. И что же я увидел?! На листочки были приклеены тщательно вырезанные из фотографии лица тех двоих. Нет, это не были родители дяди. Женщина с двумя глазами, и как была

она похожа на Живульку! Дядя врал мне. Это не его папа и мама! Но в то же время я не мог со стопроцентной гарантией утверждать, что это он засушил отца и мать Живульки! Эх! Ничего-то я не знал наверняка! Принц! Несчастный принц!

И вовсе не ощущал я себя принцем в своей стране. Правил-то нами дядя! Он был сильнее нас всех, прежде таких молчаливых и разрозненных. В его руках не было всевластного золота, но зато было колдовство!

Сейчас я даже ругал себя за недавнее желание навсегда покинуть свою страну. Мою собственную и единственную. Другой у меня не было никогда и... может быть и не будет. И кому я нужен был в иных пределах? Никому! А вот Давии я ещё вполне смогу пригодиться. Если разоблачу дядины интриги. Выведу его на чистую воду. Нет, не так. Дядя скользкий и вывернется. Когда найду на него волшебную управу...

Я разгорячился. Я был даже благодарен сейчас сестре за то, та осудила меня за нежелание бороться за родную землю. Это она призывала меня дорожить тем малым и, вроде как, незначительным, что я имел. Не отдавать свою землю врагу. Ах, как ясно я теперь осознавал, что дядя не просто имел дурной характер. Что он был нашим врагом! Поэтому не бежать мне надо было от зла, а одолевать его.

Я перевернул страницы дальше. И оторопел. На листочке был нарисован скелет! Рядом шла какая-то запись. Вот почему дядя не учил нас письменной человеческой речи. Ему было некуда прятать от нас свои тайны! Он держал их рядом с нами. Но мы не должны были стать сильнее его. Поэтому, чтобы создавать видимость учёбы и заботы о нас, он нанял нам в учителя дурачка Понуру!

Ах, дядя - дядя! А Понура так гордится своей ролью учителя! Он и не догадывается, что ты смеешься не только над нами, но и над ним, простофилей! Он добросовестно готовит свои лекции и прохрюкивает их!

Да и спрятанная вещь скорее могла вызвать наше любопытство, чем лежащая у всех на виду. И посему дядя даже не убирал свою Записную Книжку в сейф.

Но зачем он нарисовал скелета? Неужели я ему так дорог, что он решил сделать мой портрет и держать его возле себя, чтобы всегда можно было на меня полюбоваться? Сомневаюсь!

Я захлопнул страницы, всё уложил, как было, и поспешил в главное хранилище дядиных тайн, за занавеску.

Долгое время я ничего не мог разглядеть в темноте, пока глаза мои опять не привыкли, и мне не показалось, что навороченные одна на другую тряпки, поставленные возле стены столбом, еле заметно светятся.

Я подошёл к ним и потрогал руками. Они излучали тепло. Странно. Тогда я начал вытягивать их, одну из другой, разрывать, пока что-то под ними не блеснуло. Свет ослепил меня. Слишком яркий!

Я невольно потянулся кистью к глазницам, загоразивая их. Колба! Колба! Теплая колба, а в ней что-то живое плещет, словно рыбка в воде. Я с

трудом разглядел золотистое очертание ножек и распущенных волос. Что это? Что это за чудо такое? На которое и смотреть-то было больно?

Оно чем-то походило на свет бога Люстры, но только удивляло своей горячей огненной силой и той приятной истомой, что вызывались во мне даже на расстоянии.

Поразительная вещь! Название которой я не знал.

Но не успел я ничего придумать, найти хоть какие-то объяснения, как в Кабинет буквально ворвался Бурый.

Он закричал:

- Ты что, с ума сошел?! Или ты думаешь, что этот солнечный свет не разливается сейчас по всей Давии?!

И он стал яростно закутывать колбу обратно в тряпки. Солнечный свет? Да как его можно было поймать в склянку? Я в детстве тоже ловил лучи бога Люстры, чтобы посадить их в банку, и чтобы они потом светили мне ночью, как фонарь, но я не смог ими овладеть. Люстра не давался, он не хотел со мной делиться.

Бурый так спешил ко мне со стороны Бара, что ворвался в Кабинет на метеорите. И теперь шарик пыли прыгал вокруг нас, как резиновый.

Помогая Бурому поймать его, чтобы быстрее перенестись на Диван, я спросил его:

- Что дядя? Ты узнал чего-нибудь?

- Конечно! - Едва проговорил он, потому что запыхался. - Мыло... Он очертил... круг... мылом... Он мыло тащил, большущий такой кусок. А потом очертил вокруг Бара круг мылом.

- Зачем мылом? Каким мылом? - Спросил я.

- Покойническим...

Тут было над чем поломать голову!

Но Бурый всегда, когда спешил, говорил запинаясь и прыгая с одного на другое:

- И камень... положил... возле Бара.

Мы уже овладели с ним метеоритом, чтобы взгромоздиться на него кое-как вдвоём, когда в Кабинет вошёл дядя. В темноте я не видел его лица, но слышал, как сердито он дышит!

Бурый несколько раз раскрыл рот, но потом затих. Он был напуган не менее чем я.

Дядя сразу понял, чем именно мы занимались в его пределах. Но он был спокоен. Он был спокоен как человек, который НИЧЕГО не боялся. Потому что вполне осознавал свою власть над нами.

- Вон! - Только и сказал он мне. - Вон! - и он устыдил меня: И вот чем вы занимаетесь накануне ответственного дня, Ваше высочество! Воровством! А ведь завтра у вас свадьба.

И он опять прикрикнул на меня сдержанно, хотя и разозлено:

- Вон! К себе! И спать! - Слово он решил отложить до поры до времени наказание, предназначенное для меня.

И я с потухшим, виноватым лицом поплелся в сторону Дивана. Вот что было самое ужасное - он прикрикнул на меня, и я сразу же ему подчинился. Потому что привык ему подчиняться. С детства. И никогда не пробовал бунтовать.

И тут золотые кольца выдали меня. Сначала то, что я надел на палец. Дядя увидел его свет, догнал меня и сдернул кольцо. Я отметил, что он был в перчатках. Но когда дядя меня тряс, второе кольцо, которое плохо улеглось в моём кармане, выпало и покатилося, звеня, по земле.

- Вор! Вор! - Шипел дядя до того времени, пока я не ушёл.

- Ну а вы, молодой человек, - с доброй укоризной обратился он к Бурому, я слышал это издали, - пока останьтесь. - Я проведу с вами воспитательную беседу.

Ах, только воспитательную беседу? Меня это успокоило. Успокоило мою совесть. Беседа не порка, потерпеть можно.

Вот я и повеселел немного.

А на утро... Лучше бы я не просыпался!

Бурый лежал на земле, под Диваном. Бритое лицо его было неподвижно, страшно и невыразительно. Жизнь ушла из Бурого. Как таинственно некогда ожил плюшевый мишка, так незаметно для меня и остальных жизнь покинула его большое мягкое тело, которое было теперь таким же холодным, как и тела тех игрушек, что я нашёл недавно в соседней квадратной стране.

С тоской окинул его неуклюжую фигуру и увидел, что она вся засыпана его волосами, шерстью, которую состригал с него некогда дядя. Это могло значить лишь одно: дядя не шутил. Бурый был ему больше не нужен, и он вернул ему его волосы.

Значит, он... и убил Бурого... Но в том-то и дело, что этого опять никто не видел, дядя скорбел, казалось, так же сильно и искренно, как и мы. По своей привычке он ничего нам не объяснял, не оправдывался передо мной. Он просто ходил как в воду опущенный, то есть пораженный, пристреленный новостью, что Бурый умер.

Ряды моих подданных редели. А я ничем не мог защитить их.

Силы мои снова подкосило. Возможно, это дядя посылал на меня свои чары. Которые сковывали мои члены и мужество. Невольно в череп приходили трусливые мысли о том, что я не мог освободить свою маленькую страну от владычества дяди, потому что не мог защитить даже самого себя.

В добавок в обед дядя заявился к нам в школу, где на уроке тихо сидели теперь двое: я и Груша - и громко, во всеуслышанье заявил:

- Убийца нашего домашнего человека Бурого найден!

Я и Груша в удивлении обернулись на дядин голос. Сказать по совести, к чести Груши, она скорбела о моём товарище, и, кажется, искренно. Я даже снова воспыпал к ней то ли любовью, то ли признательностью напополам с доверием.

- И этот убийца... - дядя вдруг гневно показал на меня пальцем, - принц Скелетус!

Я был потрясён и возмущён. Кулаки мои сжались. Но я ничего не успел ни продумать, ни предпринять.

Груша воскликнула:

- А доказательства? Я не верю!

Спасибо тебе, Груша!

Дядя со злым торжеством выудил из глубокого кармана своего пиджака дудочку.

- Слышали вы, милые детки, сказочку про дудочку, сделанную из тростника, выросшего на могиле убитого?

- Да, - ответила вместо меня Груша. - Я такую сказку читала. Ну и что?

- Перед вами дудочка, вырезанная из такого растеньица. Этот тростник вырос за сегодняшнее утро на могилочке Бурого. Я успел его похоронить. И тростничок посеять.

И вот что он мне радостно сегодня пропел...

Дядя заиграл на дудке, и та действительно застонала, заныла, завопила голосом Бурого:

- Эхе-хе-хе-хе-хе-хе!

Вот беда - беда - беда...

Лучший товарищ убил ми-ишеньку.

Сразил милого, пригожего.

Не пожалел, не пощадил.

Прикончи-ил... Топориком - топоришечкой....

И-и-и-и-и-и

... и ныла, и ныла коварная, лживая, предательская дудочка. И, конечно, врала, как сивый мерин.

Не мог я убить товарища моего детства, друга моего молчаливого - образцового.

И Груша знала это. Я в надежде смотрел на неё. Очень скоро должна она была стать моей супругой. Так предаст или не предаст?

Груша ничего не говорила, словно до конца ещё не решила: чью сторону принять, мою или дядину. Она так привыкла дяде служить! Не любить его - я вообще иногда думал, что у неё семечко вместо сердца, а именно что служить. И она только в раздумье качала головой.

Дядя начал что-то говорить, какую-то долгую обвинительную речь. А я... мне вдруг показалось, что от несправедливости, которую я терплю, что-то сместилось в моей голове. Я будто бы сходил с ума. Никак не укладывалось в моём просторном черепе: как можно было совершать такие чудовищные поступки: сначала лишить жизни моего друга, а потом на меня же и свалить вину за это! Оказывается, можно...

Свою длинную речь дядя закончил ядовитым приговором:

- А в наказание ты будешь... женат! ДА! Женат! И это уже окончательное решение! И не возражай! И возьмишь фамилию жены! Но более того - твоя свадьба состоится гораздо раньше, чем мы планировали.

Я ожидал более тяжкого наказания. И даже опять был готов сбежать из страны. А тут... Разве это было наказанием, разве могло сравниться с тем, что сотворил дядя с Бурым, бедным - бедным моим другом Бурым? Которому довелось стать -таки настоящим человеком в обличье медведя?

Ах, Ах! Я мог только вздыхать. Голова шла кругом, кости черепа раскалились от тяжких мыслей.

- Под каблук жены! - рявкнул напоследок дядя.

Потом он позвал Лепетайло, учителя Понуру, и те по его строгому приказу арестовали меня. Повели на край Стола и там опустили в пустую стеклянную чернильницу в виде башни. Тюрем в Давии не было. Понура, тяжело охая, отправился к себе домой. На Диван, спать с горя. А Лепетайло остался охранять меня. А я верил и не верил, что арестант. Жених-арестант. Ух, как дяде почему-то захотелось женить меня!

Впрочем, умом я понимал, почему дядя желал запрятать меня под каблук Грушеньки. Она бы следила за каждым моим шагом. Но я знал тогда ещё далеко не всё...

Ночь пришла скоро. В этот вечер дядя даже не пустил на наше небо Бога Люстру - вообще творил всё, что в голову взбредёт. Бредил просто. Я не спал, скрюченный на дне чернильницы. А ночь двигалась вяло.

Не передать словами, как скорбел я по моим погибшим друзьям. Вот и не удалось мне спасти Живульку!

Лепетайло дремал, щуря глаза, прикрывая их обеими лапами. Но я ещё верил в него, я его ещё любил. Я ещё на него надеялся. Хотя и он трусил, видя, как бесславно погиб Бурый. Поэтому, хотя и дремал, бил хвостом о Стол, давая мне понять, что он на страже интересов хозяина.

Но в середине ночи я позвал его. Не выдержал и спросил - голос мой гулко звучал в чернильнице:

- Дорогой мой Лепетайло! Скажи, ты ведь много лежишь на книгах: зачем могилу мертвеца обводят мылом.

Кот ответил не сразу.

Сначала мне пришлось ему напомнить, как советовал в своё время Бурый:

- Ты ведь знал меня Раньше!

И кот лениво заметил:

- Должно быть, чтобы покойник успокоился. Этим мылом его обмывали.

Он его суеверно боится.

- А зачем кладут на его могилу камень?

Сочувствующий мне кот выложил и это:

- Чтобы усмирить мертвеца. Камень будет давить на его грудь.

Тогда я понял, что Живулька действительно находится в Баре. Дядя поверил, что она умерла, потом пришла, мёртвая, ко мне, и решил приструнить её колдовскими методами.

Ах, сказать честно, Лепетайло оставался моим единственным и последним верным другом! Может быть, когда-то он не был моим лучшим другом. Лучшим другом был Бурый. Врагом, обернувшимся Другом - Живулька. Но когда лучшие наши друзья покидают нас, на их место заступают те, кто вчера считался другом с маленькой буквы. Хотя Лепетайло и привык лизать дяде лицо и руки за то, что тот сделал его королевским библиотекарем, - его, беспородного кота, которому цена была три копейки, - кот решил меня в беде не бросать. Всю ночь он лежал передо мной на Столе всё мне подмигивал глазами, которые светились.

Глава 8. Свадьба.

В эту ночь я много думал и почти не спал.

Эх, знать бы, хотел ли дядя погубить меня, как сделал он это с Живулькой и Бурым, или только прибрать к рукам?

Когда я, наконец-то, задремал, то и во сне продолжал рассуждать.

Сидя в стеклянной чернильнице, я вспоминал не только события последних недель, но и то, например, как в раннем детстве ходил с Изъедухой на охоту.

Мы в Давии неоднократно переживали нашествия мух и пауков. Откуда они только являлись к нам? Я не раз задавал этот вопрос дяде и тот отвечал, что мухи заводятся сами по себе, от непослушания детей взрослым. Что мухи - это наши дурные свойства. А по поводу пауков он предлагал иную версию. Де, пауки - это доисторические люди, дикие и нецивилизованные, отказавшиеся в своё время кушать с ножом и вилок и готовить пищу на огне. Они настолько дики, что остались кровожадными и не признают дядиного бога Люстру. Потому что поклоняются своему богу - Паутине.

Мы изгоняли их силою света Люстры. Дядя настоял, прикрикнул, и бог его послушался: вообще перестал спать. Так что целую неделю у нас, можно сказать, не заходило солнце, ни днём, ни ночью.

Наглых мух, воровавших нашу пищу прямо из тарелок, мы перебили трубочками, из которых с силой выдували тонкие и длинные стальные иглы.

Потом дядя, помнится, учинил даже судебное разбирательство: кто из нас был самым непослушным; менее других его, старшего, уважал, от кого произошли те страшные мухи, каждая величиной с человека.

И вот только сейчас мне вспомнилось, что в ту далёкую - далёкую пору с нами жил ещё один мальчик! Он ходил в очках, был старше прочих детей и утверждал, что умел когда-то читать и писать по-человечески, но дядя, якобы, запрещал ему даже приближаться к Книжному Шкафу. Мальчику было скучно, целыми днями он только и делал, что слонялся по Давии и всё жаловался нам на жизнь. Он, кажется, даже не был нам родственником - не помню, кто он был и откуда взялся. Я был тогда слишком мал. От скуки мальчик и начал сам сочинять истории. У меня в памяти остались несвязные клочки из них.

Будто бы Давия вовсе не самостоятельное государство, а всего на всего Комната в Квартире Одного Большого дома. Но и Дом этот не стоит сам по себе во Вселенной, а находится в Одном Городе. Город так же не замыкает в себе весь звездный мир с Богом Люстрой и дядей во главе, а находится в одной стране. И Страной этой дядя вовсе не руководит, как он ни пыжится, в ней великое множество других взрослых. И так далее и так далее. И даже, мол, Вселенных множество!...

Мне было страшно слушать сочинилки этого сумасшедшего мальчика. Потому что я во всём доверял дяде. Мальчика мы, дети, сторонились. Уж больно выдумки его напоминали одну дядину сказку, которую он рассказывал нам с милой и ехидной улыбкой: что, мол, ходит по свету медведь, а внутри

него растёт дерево, а на дереве висит сундук. А в сундуке заяц. А внутри зайца сидит и крикает утка, а вместо сердца у той утки яйцо. А в яйце плавает игла, а на конце той иглы наша смерть. То есть всех детей нашей Давии.

А дядя знает, как найти этого медведя. Так получалось, что та игла, считай, у дяди в кармане. Правда, дядя всегда дополнял, что это всего лишь сказка, и он вовсе не хозяин нашим жизням. Но нам было нелегче. Дети ведь существа очень пугливые, впечатлительные. По крайней мере, я точно таким был - пугливым и впечатлительным, в свои пять лет, когда тот мальчик с нами жил.

Истории этого мальчика о Городе и Вселенной были похожи на истории дяди, только наоборот. Я был так напуган сказкой об игле в дядином кармане, что история мальчика представлялась мне в следующем виде: стоит только Давии погибнуть, как и все Вселенные рухнут. А так как всё в Давии, пока мы маленькие, возлежало на дядиных плечах, то мы все должны были заботиться о дядином здоровье и благополучии.

Вот мы и дрожали за дядю. Долгие - долгие годы.

Но я сейчас не об этом. Мальчик потом исчез. В очередной раз, когда в нашей стране появились мухи, дядя обвинил его в том, что он нарочно открыл какую-то Форточку. Чтобы удрать. Мальчик хотел погубить Давию! Эти его нездоровые мысли и наклонности и породили полчища мух!

Мальчик был осужден. Он плакал и просил прощения, но мы его не поддержали, не пожалели и не простили. Потому что верили, что он - наш общий враг, предатель наших интересов. От таких миры и погибают! Дядя сказал ему торжественно: “Покинь нашу Галактику! И помни: пока ты был со мной, у тебя ещё существовала надежда, что ты когда-нибудь станешь большим. А теперь возможность эта уйдёт вместе с тобой!” Я ничего тогда не понял из дядиных слов. И вообще навсегда забыл мальчика. И вспомнил о нём только в ту ночь, которую проводил в чернильнице.

В сущности, во все остальные годы наша жизнь была спокойной и одинаковой, год повторял события года предыдущего. Праздников почти не было. Мы широко отмечали только дядин день рождения. Это был поистине всенародный, государственный праздник. Когда вывешивались флаги с дядиным портретом и пелись величальные: “К нам приехал, к нам приехал дядя дорогой!...”

И ни разу как будто дядя не пытался покуситься на мою жизнь. Сколько раз была у дяди возможность попасть на охоте не в муху, а в меня! И сказать при этом, что он просто обзарился, то есть промахнулся. Но он этого не делал!..

Наоборот, он всегда учил меня только хорошему. Например, мужественности. Бывало раз пятнадцать, наверное, когда он призывал меня к себе в Кабинет, сажал на коленки и начинал долгие разговоры о своей давней дружбе с богом Люстрой. А в конце беседы всегда таинственно и тихо обозначал самую высокую цель моей жизни - сгинуть не на охоте на комаров, на которых мы обычно ставили ловушки из сети паука с кусочком сырого мяса в качестве приманки, а о том, как было бы невероятно почётно для меня,

простого человека, принца, если бы я попытался однажды повторить подвиг Бога Люстры, который ежедневно умирает ради нас к ночи, а потом обязательно воскресает к вечеру следующего дня...

“Стать как бог - вот это цель, вполне достойная наследного принца Давии!” - говорил дядя и призывно закатывал свои хитровато зеленые глазки подо лбом, сложенными возрастом в гармошку...

В ответ я только опускал череп книзу и нерешительно, робко прятал мои грустные пустые глазницы. Что я мог ответить дяде на его мечты сделать из меня настоящего человека, крупного государственного деятеля? Я боялся быть богом... Трусливо не верил, что воскресну, что у меня хватит на то сил, умения и старательности. На моё молчание глупого мальчика дядя в конце разговора всегда откликнулся следующей репликой: “Теперь ты понимаешь, почему я правлю Давией вместо тебя?” - Я кивал. - “Потому что я в своё время, мальчиком, сумел стать богом! - Дядя гордо поднимал голову. - Я умер и воскрес. И теперь стал другом и советником Люстры. Люстра полюбил меня!”

Я, конечно, не знал, умирал ли когда дядя взаправду, но мне ничего не оставалось, как только смиренно верить ему на слово и благодарить его за то, что он столь настойчиво желает мне блага, учит меня мужественности.

И тут немаловажную роль как раз и сыграло моё нелепое, может быть, подозрение, с которым я жил, наверное, всегда, что я родился не для Давии, а для чего-то гораздо более грандиозного, покруче, покрупнее и поинтереснее. Именно желание узнать: так ли это и не давало мне возможности рисковать, следуя высокому примеру Люстры и самого дяди.

Я был очень маленьким человечком, по сравнению с безголовыми великанами из Прихожей. Я был уродцем! И всё -таки я не мог завершить свою жизнь какими-нибудь печальными подражательными опытами, так и не разведав: зачем я ТАКИМ -то И ЗДЕСЬ, в Давии, родился. В чём моё предназначение?

Ценя свою жизнь, я ведь ценил и дядину! Ведь как бы странно не вёл он себя сейчас, как ни пугал меня, в глубине души я всё ещё был связан с ним, продолжал его любить и верить в то, что он хороший. И что это просто я что-то в нём не понимаю! Я чувствовал себя в чём-то виноватым перед дядей.

Наверное, это было глупо. Но таким уж я был - маленьким человеком, вечно ожидающих от других идеального поведения. Дядя ждал от меня высокого поступка, по-своему понимаемого, а я от него - не менее высокого, только понимаемого по-моему.

И вот, сидя в тесной, душной чернильнице, я оправдывал дядю тем, что он болен, на время сошёл с ума. Всё ещё ощущая в своей груди теплое чувство к нему, я винил себя за то, что не заметил начала этой болезни и допустил её! И теперь с жаром надеялся на то, что болезнь пройдёт, его сумасшествие вот-вот минет. Причём уйдёт из Давии навсегда, не перекинувшись ни на кого из нас, остальных.

Если дядин бог умел воскресать, дядя очнётся и попросит его, всё повернуть назад - и дядя ещё приведёт ко мне за руку смеющуюся зрячую Живульку, оживит Бурого.

И может быть, попрыскает каким-нибудь эликсиром жизни на родителей девочки. Ведь никто ещё так и не представил мне доказательств, что это дядя виноват в их смерти...

Слишком сильна, наверное, была моя привычка к мирной и спокойной жизни без войн и катастроф, которую я вёл ещё совсем недавно в окружении добрых, как мне казалось, друзей. И я питал иллюзию, что всё само по себе как-то наладится и разрешится. Если я буду по-прежнему послушен дяде.

Конечно, уже настороженно послушен, придирчив и затаён. И всё же к утру усталость настолько уморила меня - я не отдохнул за время короткого сна - что я решил не противиться дяде и жениться на Груше. Сыграть с ней свадьбу. А потом пусть всё идёт, как шло: она живёт в своём углу, а я в своём, и всё делаю, чтобы узнать, как проникнуть в Бар и вернуть Живульку к жизни. Потянуть время и дать его дяде, чтобы он исправился - вот что я теперь хотел. Только живой, а не мёртвый, я способен был освободить Живульку.

Душа моя болела, когда я смотрел на пробуждение дяди на утро следующего дня сквозь стеклянные стенки моей чернильницы.

После завтрака, который мне принесли в моё заключение, дядя торжественно взошёл на Стол под ручку с Грушей. Её желтовато румяное и полное лицо тоже так и сияло нескрываемым торжеством и радостью.

- Сын мой! Ты не достоин родства с моей любимой дочерью, - приподнятым тоном, хотя и с явными нотками угрозы, заявил дядя и, не дав мне ответить, провозгласил: И всё-таки я даю тебе последний шанс стать человеком, узнать твоё истинное предназначение, твоё настоящее место в жизни... Я отдаю тебе её в жёны!

Сегодня, очень скоро, через час, ты вступишь в брак с ней! А через минуту тебе вернут твой костюм.

Я забыл сказать, что на ночь меня раздели и завернули в одеяло, чтобы я не сбежал ночью.

Он сказал мне это, и желтоватое лицо Груши сморщилось в улыбке под грузом её непомерного счастья. И почему это девчонки после четырнадцати лет так страстно мечтают выскочить замуж? Им даже всё равно за кого, можно и за скелета, лишь бы опередить остальных. Вот и Лепетайло у нас ещё ходил холостым, и Понура, и дядя... Груша и сама, кажется, не ведала, что станет с нею после заключения брака, и всё равно кидалась в него как в омут головой.

Подумав о её возрасте, я вдруг вспомнил, что и мне не далее, как через несколько дней стукнет четырнадцать с половиной. Срок, которого ужасно ждал дядя. А почему - я до сих пор находился в неведении. А между тем карлики предупреждали меня, что я должен был повзрослеть окончательно именно до этого, ничем, в общем-то, не примечательного события!

Уже через час Груша была облачена в белое и кружевное платье, которого оказалось так много, что чудилось: она купается в нём, как в пене.

И, честное слово, едва завидев её в Кабинете у дяди, куда меня привели со связанными руками, я едва опять в неё не влюбился! Едва увидел я над ворохом кружев маленькую головку Груши, украшенную разноцветными, нежных оттенков, цветами, как во мне родилось какое-то новое, приподнятое,

поэтическое настроение, которого я давно не имел, но которое всегда появлялось во мне при виде всего цветного. Дядя знал эту мою странность, этот мой вечный голод по земному великолепию красок и запахов. И нарядил свою дочь будто бы для того, чтобы у меня закружилась, как от эфира, голова, и я не передумал жениться. Это говорил во мне голос жизни, ожидание чего-то прекрасного, что ещё могло свершиться в Давии.

Новое великолепное платье девочки источало множество благородных ароматов. Я дышал возле неё и не мог насытиться. Даже и не заметил, как стали прибывать гости.

Лепетайло, который нацепил на себя бантик, играл на свадьбе роль моего отца. Понура, повязавший платок - матери. Оба казались растроганными, совершенно в духе важности предстоявшего события. На глазах Лепетайлы я даже заметил слёзы радости, Понура иногда плаксиво похрюкивал и повизгивал. Оба вели себя так, как было нарисовано на картинке в одной книжке про свадьбу короля и принцессы. Оба будто бы отдавали меня в чужую семью и не желали расставаться.

В общем, я опять понял, что они за что-то оба меня любили. Хотя я даже не представляю себе за что. Что я мог дать им за мою короткую жизнь? Только свою привязанность. Когда друзей становится всё меньше, начинаешь несказанно дорожить последними. Вот и я потихоньку млел от родственных восторгов этих двоих.

С дядиной стороны и со стороны невесты присутствовала начищенная до блеска делегация хрустальных карликов во главе с графином, которые по случаю свадьбы отменили свою войну против нас и установили перемирие.

Прочие карлики глядели на нас, широко раскрыв хрустальные рты, из Серванта. Бренчали своими хрустальными телами, и тем придавали церемонии ещё пушью величественность.

Эльфы, которых дядя не приглашал, потому что не любил, всё равно выли какой-то марш из своего угла за Шкафом. Им не дали поприсутствовать, но и они желали поучаствовать. Как-никак первая свадьба в Давии.

Великаны же в Прихожей били пустыми рукавами пальто и плащей и радостно стучали тяжелыми резиновым сапогами, выбивая барабанную дробь....

Дядя был очень доволен. И, нацепив на нос очки, начал высоким голосом зачитывать акт государственной важности, который сам же и сочинил. В нём не было ничего особенного. Просто с какого-то момента дядя начал величать нас с Грушенькой мужем и женой! Я мало что соображал. Надышавшись заморскими, чарующими запахами, пропитавшими платье Груши, я держался за её руку, пьяно на ней повиснув. Потому что ноги меня уже не держали.

Это вызывало некоторое неудовольствие Лепетайло, считавшего, что некорректно спаивать так жениха на свадьбе, но все прочие от восторга, который затмевал им разум, ничего не замечали. Именно потому, что это была первая свадьба в королевстве, многие считали, что всё происходит, как полагается. Пьян жених- значит, так и надо.

Я тоже был склонен скорее испытывать восторги, нежели разочарование. И когда дядя прочитал акт о моём согласии взять фамилию жены, “Груша”, даже не сопротивлялся этому. Смешная, конечно, будет у меня фамилия, но должен же и я был сделать хоть какой-нибудь свадебный подарок невесте.

Я кивал и то и дело подмигивал Груше, а она заливалась румянцем и млела в сладкой улыбке. И такая она была душка, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

И меня ужасно возмутил поступок Лепетайлы, поступок дикий, можно сказать, совершенно кошачий, когда он вдруг весь собрался, как пружина, потом оттолкнулся своими длинными лапами с выпущенными когтями от земли и, растянув своё узкое тело в воздухе..., скакнул прямо на моего дядю! Чудовище! Невоспитанное чудовище! Первое, что пришло мне в голову, было: “Кот сошёл с ума! Он принял дядю за мышь!”

Но дело было в другом! Лепетайло выхватил у дяди его грамотку государственной важности - о провозглашении меня Скелетусом Грушей, когда дядя уже почти закончил её читать, и должен был вот-вот предложить мне поставить внизу акта мою подпись! И... разорвал её на мелкие части! Идиот!

- Ты что это безобразничаешь на моей свадьбе? - рявкнул я на кота, кое-как выговаривая слова, язык мой заплетался.

А кот, ни слова мне не говоря, постучал лапой по своей макушке. Я невольно повторил его движение, и, бог наш Люстра, я нащупал на своей черепушке какую-то палку и... листик! Живой зелёный листик!

Карлики, поняв уже в чём дело, завизжали и захрюкали от смеха, эльфы даже гавкали от хохота, а великаны просто катались по земле в своей долине Прихожей и кидались друг в друга резиновыми сапогами.

И всё это только потому, что у меня на голове внезапно начал прорастать черенок со свежим и душистым листиком на темени! Словно у какого-нибудь садового плода! И такой конфуз должен был приключиться со мною на свадьбе?!..

Однако с какой стати я вдруг начал превращаться в грушу?

В чём, собственно, дело? Я тут же протрезвел.

И опять произошло невозможное!

Кот выгнул спину дугой и так зафырчал на дядю, который уже поднялся с ног и замахивался на него какой-то палкой, что из шерсти Лепетайлы посыпались искры! Он выжигал огонь! Совсем как Бог Люстра! Совсем как дядя, который помогал в этом Люстре?! А котик всегда был так скромн, что никогда не хвастался своим умением?!

Искры тотчас разлетелись, кто куда. И одна из них, к несчастью, угодила на замечательное платье Грушеньки. Вероятно, оно действительно было насквозь пропитано не только духами, но и эфиром, который легко воспламеняется, - платье запылало!

Я воспринял это как катастрофу, не иначе! И заметался по Кабинету, ища глазами, чтобы можно набросить на Грушу, чтобы не пустить к ней воздух и тем затушить белую легкую материю! Воды в долине не было!

Однако коварный кот отшвырнул меня лапой и не подпустил к юной невесте, загородив её. Возмущению моему не было предела. Я бросился к бедной девочке. Но я совершенно окаменел, когда увидел, что молчаливая Груша, протягивая ко мне руки, прямо на моих глазах тает! Она не сторала, нет, не кричала от боли. Она просто испарялась, словно была всё это время, всю свою жизнь, чьей-то легкой и воздушной выдумкой!

Как ни странно, дядя, который один имел в Давии доступ к воде, не спасал дочь. Он лишь в досаде смотрел на то, как она в печали одними глазами прощалась то с ним, то со мной!

Я в ужасе закрыл глаза! А когда открыл их, увидел, что Груши уже не стало - н земле вместо неё лежит крошечный, плохо различимый плодик. Плод груши!

Тут налетел сквозняк. Он подхватил пепел - всё, что осталось от чудесного платья, и разметал его по стране. Темные хлопья упали на нас, перепачкав в золе. А на земле между гостями всё ещё оставался лежать маленький, испеченный плод груши.

Пока дядя ни подошёл к нему, спокойно ни поднял, ни положил к себе в карман и после этого двинулся за занавеску, не глядя на всех нас и ничего не объясняя.

Должно быть, он и сам был в достаточной мере шокирован. И даже потерял дар речи. Но не от горя. Не оттого, что потерял свою дочь. Да и была ли Груша его дочерью? Тут же вспомнилось мне, что дядя часто пропадал в своей лаборатории. Вероятно, однажды ему удалось вырастить из груши девочку, путём слияния разных волшебных слов в новые слова, которые он прорастил в грушевом плоде.

Ему хотелось производить на нас впечатление нормального человека, доброго семьянина, войти в доверие - вот он и создал эту искусственную девочку, столь послушную ему, столь примерную. Не даром же он с раннего детства прочил её мне в невесты. Насадив на руки Живульки бородавки, он разводил нас с ней. Так кого же ещё я мог полюбить в своём малолюдном обществе? Только “другую дядину дочь”, любимую.

Но я понимал ещё далеко не всё и с любопытством уставился на Лепетайло.

- В чём дело? - Спросил я. - Ты учинил всё это безобразие и, как мне кажется, должен объясниться!

- Мурррр-мурррр, - только и сказал хитрый проныра - кот, поджимая под себя, сидящего посреди Кабинета, лапы. - Мурррр-мурррр-мурррр-мурррр...

И я понял всё, что он хотел мне сказать:

- Дядя приобрел вашу невесту, уважаемый принц, однажды на рынке. В каких-то дальних и заморских странах. Он выдумал, что она девочка. Между тем, детей у него никогда не было. И вот вопрос - почему он не женился в своё время! Я полагаю потому, что слишком любил себя! Но суть не в этом. Вчера

я подслушал его разговор с Холодайкой. И понял, что именно готовит тебе дядя на твоей свадьбе. Он решил и тебя превратить в грушу. Чтобы потом сунуть в свой карман, и носить пожизненно, пока ты не сгниешь. Плоды, между прочим, портятся гораздо скорее человека. Но для того, чтобы ты стал вполне под стать твоей супруге - растению, тебе надо было приять её фамилию.

Хорошо всё придумал дядя. Да, поди докажи, что черенок и листик выросли на моей голове не случайно!

Жалел я девочку, однако, судьба её была решена не котиком, а дядей. Это он замыслил, начиная с сегодняшнего дня в одном кармане носить меня, а в другом свою названную дочь. И я должен был поблагодарить Лепетайло за спасение. Его рассказу можно было верить, потому что он “знал меня раньше”.

Я ещё раз потрогал на своей голове черенок с листиком.

- А с этим что делать?

- Ах, милый! Просто отпили.

- Ты думаешь: дядя хотел меня съесть? - С ужасом вырвалось у меня.

- А вот это я не могу знать наверное.

И я решил защищать своего кота и библиотекаря, если дядя решится всё свалить на него и вынести какой-нибудь суровый приговор.

Да, но что мой дядя?..

Он, как я уже сказал, ушёл за занавеску в угол своего Кабинета, и не показывался весь день. Кота к ответственности он не призывал и не привлекал, но и не предпринимал никаких попыток самооправдания. Вероятно, он решил, что лучше всего в его положении делать вид, что он скорбит о потере дочери, которая случилась в результате несчастного случая. В конце концов, что взять с животного, с этого глупого бездельника кота?

Я обрёл свободу. Казалось, дяде до меня больше не было никакого дела. Но поздно вечером он позвал меня к себе и сказал:

- Сегодняшнее происшествие больно ранило не только тебя, но и меня. - Он не плакал, но стоял передо мной, опустив глаза. Потом потер их кулаками и отвернулся. Некоторое время он мочал. И это опять заставило моё доброе и мягкое сердце усомниться в том, что дядя нарочно подсунул мне заколдованную невесту, потому что желал погубить меня. Впрочем, если бы я лежал сейчас в его кармане, возможно, я думал бы по-другому. .

Дядя скорбно молчал, и я скорбел вместе с ним. Дядя топтался на месте и сморкался, и я топтался рядом с ним. Если бы в эти минуты он попросил у меня прощение, я бы кинулся в его объятия и всё ему простил. Дядя продолжал вести себя так, словно и его постигло громадное горе, и, закрыв глаза рукой, наконец, трагически произнёс:

- Не знаю, переживу ли я потерю дочери!

Я пожал плечами. И он тут же накинулся на меня:

- А ты, как я вижу, совершенно спокоен!

Я опять пожал плечами.

Тогда дядя с гневом бросил мне

- И это тебе я должен был доверить свою самую большую драгоценность?! О, жестокое создание!

Он вынуждал меня оправдываться, и я по неопытности попался на его удочку.

- Не знаю, любил ли я когда Грушу, - честно признался я. - Но она стала частью моей жизни, и мне будет её не хватать! Даже не смотря на то, что она была не настоящая!

- Не настоящая? - Громыкнул голосом дядя. - Иногда и не настоящее может выглядеть вполне как настоящее!

Дядя вдруг замолчал и с хитрым видом прищурился.

- А знаешь, чтобы я сделал, если бы потерял жену и возлюбленную?

- Что? - простодушно спросил я. И кого я спрашивал об этом?!

- Отправился бы в длинную паломническую поездку, замаливать свои грехи. Если тебе в жизни так не повезло, значит, за тобой есть немалые грехи, сын мой! Так поступают все благородные люди... Ведь совершенно очевидно, что огонь спустился на платье Груши не со спины кота, а сверху, с небес! Чем-то ты не угодил Люстре, расстроил его, и он соизволил лишить тебя счастья супружества.

Вот как вывернул историю мой дядя.

А он продолжал взывать:

- Бог Люстра требует от тебя жертвы! Разве ты не слышишь его глас? Он ждёт! Ждёт, когда ты поднимешься к нему и станешь добровольной и скорбной слезой на его горячем глазу!

Но я сомневался. Что-то знакомое напоминали мне эти дядины призывы. Не так ли он звал много лет назад в паломническую поездку того мальчика в очках? Требуя, чтобы тот замаливал свои грехи перед ним и Люстрой, странствуя в одиночестве по белу свету. А мальчик плакал и не хотел, он боялся остаться один. В Давии было ему плохо, но и за его пределами, наверное, тоже. Он чувствовал это. И вот теперь дядя хотел убрать из страны меня. Должно быть, он думал, что я не помню историю того мальчика.

Это показалось мне странным - дядя, кажется, не решался убить меня сам, а всё хотел сделать это как-то окольным путём, через кого-то или что-то.

Но почему?

Однако опять мне в череп лезли ужасные мысли. А я не хотел им поддаваться. Пройдёт, пройдет дядина болезнь - это только болезнь!...

Конечно, если бы Понура и Лепетайло поддержали меня, я мог бы посадить дядю в чернильницу... Сумасшедшие не должны разгуливать на свободе.

Но когда я вышел из дядиного Кабинета, я понял, что те двое уже отправились спать - каждый в свой угол, на Диван. Мой народ не требовал от меня применить жесткие меры к дяде, а без его одобрения я пока что ни на что не решался.

Однако я решил посоветоваться с последним из моих подданных. С Понурой говорить было, конечно, бесполезно. Потому что он ни слова не знал по-человечьи. Вернее, знал одно - "это". И хрюкал: "Это хрюк, и это хрюк",

показывая копытом. А вот Лепетайло я растолкал. И тут же, плотно прильнув к его шерсти, зашептал ему в ухо:

- Надо бы нам арестовать дядю!

- С какой это стати?

Я изумился:

- Ты же сам говорил, что он хотел меня, наследного принца, превратить в заурядную грушу! И сгноить в своём кармане.

- Эх, дуралей! - Кот лениво перевернулся на спину. - Это же надо ещё доказать! Я ведь не идиот, чтобы рассказать ему о том, что подслушал его тайный разговор с Холодашкой. Всё надо делать по закону. А законы в нашей стране составлял дядя.

- Ну и что?

- Ты же сам их и подписал! По этим законам арестовать дядю просто нельзя! Помнишь?

- Я их не читал, я по-человечески письменному ни бум-бум!

- Чего тогда закорючку свою поставил?

- Дяди боялся!

- Вот и я тоже дядю боюсь! - простонал кот.

И замолчал. И как я ни просил, он упорствовал в своём нежелании предпринимать что-нибудь серьёзное. И я вдруг понял почему.

- А что думает по этому поводу Понура? - Хитро спросил кот.

- Не знаю. Он молчит.

- Вот и я буду молчать, - и довольный кот повернулся на бок и захрапел.

Он ли был с утра тем смелым котом, что бросился на дядю?! Не на многое же его хватило!

Тогда я побежал к Понуре и жалобно захрюкал ему в надежде, что он каким-то волшебным образом поймёт меня, что ему передастся моё беспокойство:

- Хрю-хрю-хрю-хрю-хрю.

Понура ответил:

- Хрюк.

Я старательно пронзал его мощную лобовую кость острым взглядом, пытаюсь понять, что он сказал. И вдруг понял. Он сказал:

- А что думает по поводу ареста дяди кот?

- Он думает, - жарко хрюкнул я к лицу розовому поросёнку: "А что думает по этому поводу Понура?"

- Ответь ему, что я думаю следующее: "Что думает по этому поводу Лепетайло!" пусть телеграфирует через тебя.

Так я и пробегал остаток ночи между этими двумя ленивцами, не желавшими ничего менять в своей привычной жизни даже ради меня, своего будущего императора.

Один телеграфировал другому: "А что думает по этому поводу Лепетайло?", а тот отвечал первому: "А что думает по этому поводу Понура?"

Важный, решительный момент был упущен.

И дядя, видя на завтра, что государственный переворот не осуществлён, а жизнь покатила по накатанным рельсам, опять вошёл в силу.

После завтрака он опять царственно призвал меня к себе. До моего четырнадцати с половиной летия оставалось три дня.

На этот раз, сладкий елей блестел на его тощем, морщинистом, лице. Дядя изменил тон и тактику и начал с жаром рассказывать мне, как он был ужасно, непростительно не прав все эти годы и совершенно напрасно не учил меня колдовать.

- Вы о чём?

- Дорогой мой! Я хочу сделать тебя счастливым и, зная, как ты был привязан ко второй моей дочери, решил вернуть её тебе!

Я оторопел. А потом с недоверием протянул:

- Разве это возможно?

- Можно попытаться. Её забрало у меня волшебство моих родителей. Можно волшебством её и вернуть!

- Вы говорили, что она мертва...

- Теперь я в этом не уверен! - Дядя поглядел на меня не без иронии.

- Так где же она?

И тут он совершил ошибку, он сказал мне правду:

- Помнишь, ты рассказывал о мертвецах, что посетили тебя на Диване? Я изучил этот вопрос! Похоже, мертвецы приходили из одной пещеры, возле горы Сервант! Из Бара!

Я смотрел на него широко раскрытыми глазницами.

- Если мы хотим оживить девочку, - рассуждал дядя, - нам понадобится живая вода

- Живая?

- Да, её держат у себя эльфы. Иди к ним и проси, проси их! Но предупреждаю: эльфы не сговорчивы и осторожны. Поэтому позволь мне один совет.

- Какой? - дёрнулся я, надеясь в эти минуты совершенно искренне, что дядя действительно пожелал найти и вернуть мне Живульку, что он одумался.

- Если говорить по совести, ты - молодой вдовец. Хотя бы приличия ради, оплакивай, пожалуйста, потерю жены! Поскорби, несколько демонстративно даже... Например, найди себе траурную чёрную шляпу и погуляй немного в ней, поброди туда-сюда по Центральной долине, повопи погромче: "О, Груша моя, Груша! Куда ты удалилась во цвете лет?!"

Ещё, так сказать, не обсохли слёзы на глазах её родственников, моих глазах. Ещё не завяли цветы на её свежей могиле, ещё не забыты славные минуты вашего свадебного торжества, а ты уже откровенно гоняешься за чужими юбками! Я имею ввиду вторую нашу покойницу - Живульку. Ибо за её юбкой ты и гоняешься.

- Какая могила? - Возмутился я. - Вы похоронили Грушу в своём кармане! И потом, как можно её оплакивать долго, если она не была... человеком? Не имела души, человеческого разума, а вечно поступала, как вы

ей подскажите? Согласитесь, что смешно распускать нюни всякий раз, когда съешь яблоко или сливу?

- Эх, юноша! - Дядя очень зло сверкнул глазами и покачал головой. - Ваша скорбь, конечно, ваше личное дело. И всё-таки я настоятельно советую вам поскорбеть! Шляпу! Шляпу!... И побольше крику и из души идущих стенаний!

Я расценил совет дяди как укоризну. Но нет, только не перед дядей должен был я сейчас каяться! Только не перед дядей!

Однако в надежде, что он поможет мне обрести сестру, я пообещал ему немедленно отыскать траурную шляпу. И всё же я покинул его, уже не будучи больше его рабом. По крайней мере, мне так казалось.

Я сразу же отправился к Бару и, присев напротив, поскорбел сразу о двоих девочках - о несчастной Грушеньке, и о бедной храброй Живульке. Я принял решение, что, если раздобуду живую воду у эльфов, сначала капну на Грушу, которую попрошу у дяди. Вдруг она станет собою прежней? Девочкой? А потом уже от души полью водой на Живульку и её родителей.

Я всех хотел вернуть к жизни, всех! Давия опять должна была превратиться в райский уголок, который не ведал смерти.

Но как дать знать Живульке, если она ещё дышит, чтобы она ждала помощи? Что помощь придёт, и не сдавалась?

Ах, волшебник - волшебник! - хотелось мне воскликнуть в эти минуты. И почему страны и расстояния разделяют нас? Ты всемогущ! Ты бы помог мне, если бы стал моим богом. Но ты властелин иных, не наших земель! Чужой бог! И какое тебе дело до меня моих друзей!?

И тогда я не выдержал напряжения и закричал, как можно громче:

- Сестра!

Потом прислушался.

Тишина. И вдруг ясно услышал песню!

Я поднял голову и насторожился. В Давии никто не пел, кроме Живульки!

И то было девичье пение, и оно доносилось из глубины скалы!

Жертва заточения не могла до нас докричаться, но песня, как известно, сильнее крика. Девочка пела:

- А-а-а... - Я не мог различить слов, но о них напоминала мне мелодия.

Это была песня, которую сочинила некогда Живулька. Она переложила на стихи одну легенду, которую рассказал нам некогда мальчик в очках.

- Есть в мире злые люди, и их не мало!

И добрые не могут справиться с ними, не начав с ними драться.

Но тогда так легко стать драконом,

Вместо убитого тобой дракона.

Надо поступить иначе.

Надо заставить злого заплакать.

Пролить слёзы о себе, о загубленной душе своей..

Слезы вымоют из глаз злую силу...

Сколько раз я слышал, как Живулька распевала эту песню, но никогда не задумывался над её смыслом. Должно быть, потому, что тогда ещё не верил в существование волшебства.

Однако если и вправду попробовать? Но что можно сказать дяде, чтобы он начал рыдать? Он не ревел, когда исчезла Живулька, он не ронял слёзы, когда умерла Груша, когда он убил Бурого. Он никогда не плакал, и это казалось мне ужасным. Я знал его целых четырнадцать лет, и мне всегда казалось, что нервы у него из канатов. Он использовал других людей и нелюдей, и никого не жалел. Никому не сострадал, и ни к кому не приходил разделить скорбь. Душа его никогда не болела за нас - только за себя. Но он никогда не плакал и о себе, о своей горемычной жизни. Он сам не верил в то, что он был несчастен!